

что ни на есть, къ концу срока на руки бы перепало, и мастерство бы не забывалось, да и другихъ бы научали. А то слонаешься по казармѣ безъ дѣла, ажъ одурь да злоба возьмутъ, и начнешь зря ругаться, да всякую пакость слушать. И на-волѣ безъ дѣла да работы одна дорога—въ кабакъ, а въ острогѣ хоть руку на себя наложить такъ въ пору.

— А что я тебя спрошу, баринъ?—заговорилъ молчаливый до того старикъ бродяга, какъ-то пытливо взглянувъ на охотника, который, сидя около огня, видимо интересовался ихъ бесѣдой.— Ты не обезсудь, коли глупо говорить буду. Бывало, съ барами, изъ тѣхъ что подушевные, я не мало говаривалъ. Думается мнѣ, отчего въ тюрьмы да остроги почти сплошь въ начальство какую ни на есть калечь назначаютъ. Въ попечители да въ дилектуры тоже безъ выбору попадаютъ, а лишь чтобы по сколько тамъ назначено, каждый годъ вносилъ, да еще за это имъ чины да ордена даютъ. А по нашему только такихъ бы допускать слѣдовало, которые нашимъ братомъ не брезгаютъ и поговорить не гнушаются. Какъ попадетъ случайно такой человекъ, сейчасъ въ тюрьмѣ-то какъ будто свѣту прибавится, дышать легче станетъ, да и народъ куда мягче да покладливѣе дѣлается. Вотъ хоть бы къ примѣру отчего по монастырямъ кличь не кликнуть. Про монаховъ чего-чего не говорятъ: и пьяницы то они и пакостники. А я на своемъ вѣку не мало монастырей видалъ, и по-моему, и тамъ, какъ и всюду, всякаго есть, да за то и душевные люди попадаютъ. И чѣмъ правильнѣе человекъ въ монахи попалъ, тѣмъ ему, какъ еще не совѣмъ старость одолѣла, труднѣе безъ живого дѣла обходиться. Что бы имъ въ тюрьмы доступъ открыть, да на годъ или на два въ надзиратели назначать. Отъ міра-то онъ отказался, да и мы то вѣдь отъ міра ломти откромсанные... а онъ бы, монахъ-то настоящій, ни отъ одежды нашей, ни отъ пайка не попользовался, да и за работой бы приглядывалъ.

— Въ монахи тѣ уходятъ,—замѣтилъ охотникъ, которымъ мірское опостылѣло; они не хотятъ съ людьми быть.

— Монахъ тебѣ сейчасъ псалтырь да житія похода читать начнетъ, да молитвами и поклонами такъ дойметъ, что ты и на Бога-то роптать станешь и изъ мыслей выйдешь,—добавилъ Жукъ.

— Мы—не міръ,—задумчиво отвѣтилъ старикъ.—Мы рѣшонные, всего лишены. Умный монахъ, я такъ замѣтилъ, безъ твоего спросу о божественномъ никогда самъ разговору не начнетъ. Говорятъ, ихъ бѣсъ смущаетъ, а какіе тамъ бѣса: просто отъ